

ЧИТАЛ ЛИ ПУШКИН «ШАКУНТАЛУ» КАЛИДАСЫ?

Д. БЕЛКИН

Среди возможных литературных и фольклорных источников незавершенной «Русалки» А. С. Пушкина исследователи обычно называют рядом с русскими западноевропейские. Хотелось бы обратить внимание на одно восточное произведение, удивительно близкое пушкинской драме. Речь идет о «Шакунтале» Калидасы — великого индийского драматурга.

I

КАК у Калидасы, так и у Пушкина события разворачиваются в действительном и фантастическом мире, причем грань между реальным и ирреальным в обоих пьесах оказывается стертой.

В «Шакунтале» действие начинается с сообщения, что настоятель пустыни отшельник Канва стремится «предотвратить злую участь», грозящую его приемной дочери Шакунтале. Монолог пушкинского мельника, открывающий «Русалку», с его запоздалыми советами дочери также не лишен отцовской тревоги за ее будущее; старик,

можно сказать, предвидит грозящую дочери беду.

Далее. У законной жены царя Душьянты нет ребенка. И в драме Пушкина княгиня жалуется:

*Когда б услышал бог
мои молитвы
И мне послал детей!*

И Шакунтала, и дочь мельника стремятся принадлежать любимому не ради его богатства, положения в обществе. Они уверены в «постоянстве любви» избранника. И та и другая в трудную минуту вспоминают о ребенке, что «под сердцем шевельнулся». Душьянта при расставании вручает Шакунтале перстень, а князь надевает дочери мельника «на память повязку» «в камнях дорогих» и ожерелье. И если памятное кольцо Душьянты оказывается в водах Ганга, то дочь мельника «бросает повязку в Днепр».

И еще совпадение: Шакунтала, услышав упрек царя, что она хочет его «род унижить», обращается с просьбой: «О мать-земля, раскройся и дай мне могилу». Не переносит обиды и дочь мельника. Узнав от князя, что он «должен» с ней «навек проститься», она бросается в Днепр.

Однако обе женщины наделены такой самоотверженной, такой бескорыстной и преданной любовью, что и после своей смерти они не могли бесследно исчезнуть. Отсюда — в обеих драмах — их фантастическое преобразование.

И Калидаса и Пушкин показали, что с гибелью любимой, которая не казалась любимой, в душе и русского князя и индийского царя становится пусто. Оба властителя не только наказаны, но и перевоспитаны потерей. Недаром небесная дева Мишракеша, наблюдая за поведением Душьянты после гибели Шакунталы, замечает: «Он не видит света, он совсем во тьме». Как русского князя «влечет неведомая сила» туда, где он «счастлив был», так и индийскому царю с грустью вспоминаются места, «что милая девушка так любила». Оба поэта приводят героя к раскаянию, осознанию своей вины перед погибшей. В обоих произведениях «самым сильным» существом

оказывается «обиженная женщина».

Действие последней сцены «Русалки» отделяет от первой «семь долгих лет». В «Шакунтале» «время, протекающее за все семь действий, — лет семь». В обоих пьесах делается акцент на соблюдении обрядовых церемоний и традиций. Если в драме из индийской жизни о нарушении обряда скорбят придворные, шут, подруги Шакунталы, то в «Русалке» и сваха и дружка сокрушаются по поводу того, что во время свадьбы пропели несвадебную песнь.

Немалое место занимают в обоих пьесах сцены охоты и рассказы о ней. И в «Шакунтале» и в «Русалке» в конце фантастических сцен отцы встречают своих детей: князь — «прекрасную русалочку», Душьянта — мальчика, считающего зубы у львенка.

Перечень близких и отдаленных совпадений «Шакунталы» и «Русалки» может быть продолжен.

II

Но где доказательства, что знакомство с пьесой великого индийца вызвало у Пушкина желание воссоздать сходную ситуацию в условиях Руси? Что можно сказать о знакомстве Пушкина с индийской драмой, о фактах обращения русского писателя к художественной литературе Индии, представленной в ту пору в Европе весьма ограниченно?

Мы не будем говорить здесь о всех книгах из библиотеки Пушкина, содержащих индийскую тематику. Ограничимся лишь произведениями Калидасы и других драматургов Индии, привлечших внимание русского поэта.

В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр «Шакунталы», изданной в Париже в 1803 году. Здесь же — и двухтомник «Шедевры индийского театра» Г. Вильсона также парижского издания (1828 год). Таким образом, в наиболее вероятный период работы над драмой из жизни старой Руси — конец 1829-го — середина 1832 года — в распоряжении поэта могли быть оба тома «Шедевров», со-

державшие ряд комментариев и замечаний к «Шакунтале» Калидасы. Первый том, почти полностью разрезанный Пушкиным, включал не только комментированный перевод избранных пьес санскритского театра, но и первое в европейской индологии исследование по поэтике санскритской драмы. Все это было прочитано русским стихотворцем. Разрезанные страницы показывают, что в первую очередь его привлекали пьесы, рисовавшие нелегкую судьбу женщины. Среди них драма в десяти действиях «Глиняная повозка» Шудраки и «Мужеством обретенная Урваши» Калидасы. В названном двухтомнике «Шакунталы» не было, поскольку, как указывалось в предисловии, для французских читателей готовился непосредственный перевод с санскрита.

Пометок Пушкина в книгах Г. Вильсона не было обнаружено, зато кое-что сохранилось во французском экземпляре «Шакунталы» 1803 года, представлявшем собой перевод индийской пьесы с английского издания В. Джонса. Как сообщил Б. Л. Модзалевский, между стр. 194 и 195 этой книги была «положена бумажная закладочка».

Место, остановившее внимание Пушкина, весьма примечательно.

Перед нами сцена из VI действия, показывающая зрителю пробуждение совести у царя Душьянты, углубленное осознание им собственной вины и беззащитности Шакунталы. Он заново вспоминает не столько свое поведение, сколько состояние покинутой возлюбленной. Наконец, он начинает понимать всю силу любви, которую она питала к нему. И это прошлое, осознанное царем как истинно прекрасное, уже невозвратимо.

В сцене из пьесы индийского классика, остановившей на себе внимание русского поэта, и речь персонажей, и их внешне несложные действия оказались сосредоточены вокруг выяснения душевных страданий отвергнутой Шакунталы.

Именно момент проявления самоотверженной любви у обманутой и оскорбленной в своих чувствах молодой женщины увлек воображение Пушкина. И он сам в сцене «Берег Днепра. Мельница» с удивительной полнотой показывает переживания девушки в самый тяжкий момент ее жизни, стремится

проследить динамику ее эмоционального и нравственного состояния. Через отрывочность монологов, быструю смену настроений и возникающих решений Пушкин раскрывал перед читателем и зрителем глубину страданий дочери мельника.

Рассказы о муках Шакунталы, присущие драме Калидасы, Пушкин заменил показом аналогичного состояния молодой женщины. И это обернулось качественным скачком. Драма из жизни Древней Руси обрела такие характерные черты пушкинского творчества как «немедленный приступ к делу и отсутствие отступлений».

Таким образом, пьеса индийского классика сильнее других обратила внимание Пушкина на художественную значительность образа покинутой возлюбленной, на возможности и перспективы его дальнейшей разработки. «Русалку» отличает от «Шакунталы» компактность, большая напряженность действия, отсутствие событий, замедляющих его ход. Образ, издавна известный мировой литературе, получил у Пушкина свое, национальное воплощение.

Особенно быстрая смена событий и чувств героев прослеживается в первой картине («Берег Днепра. Мельница»). Тематически она наиболее близка пьесе Калидасы, а по художественному решению наиболее от нее удалена. Момент встречи, соприкосновения гения Пушкина и гения Калидасы оборачивается развернутым творческим противопоставлением. Оттолкнувшись от эпизода раздумий Душьянты о горестном самочувствии Шакунталы (о чем как раз и говорит сохранившаяся закладочка), Пушкин пошел по пути новых художественных решений. Он обстоятельно раскрыл переживания дочери мельника, сближающие ее со страдающей индийской ровесницей, но сделал это средствами иного творческого метода.

Реалистическое воссоздание образа обманутой возлюбленной, в отличие от «Шакунталы», шло у Пушкина за счет сокращения сцен, удаления повторов, затормаживающих действие, путем концентрации эмоционально-идейного содержания оставленных эпизодов. Если, например, история увлечения царя Душьянты девушкой из народа Шакунталой занимала в индийской драме несколько сцен, то русский поэт изложил преды-

сторию обманутой возлюбленной через ее короткие, но очень образные, почти зримые воспоминания о полуночных встречах за мельницей.

Вместе с тем в монологах Душьянты, выражающих глубину его чувств и запоздалых сожалений, и в словах небесной девы Мишракеши можно обнаружить элементы событий, изображенных Пушкиным в «Русалке», в частности ее экспозицию. Именно в этой части индийской драмы произошел основной момент встречи двух гениев, обернувшийся творческим соревнованием, в результате которого Пушкин нашел для своей пьесы из жизни старой Руси своеобразную композицию, позволившую включить в нее популярный в те годы мотив «Русалки».

III

В науке существует много интересных гипотез о причинах незавершенности пушкинской вещи. Сопоставления «Русалки» с «Шакунталой», возможно, подтвердит некоторые из них. Исследователь «Русалки» Н. Берковский считает, что Пушкин обдумывал финал без традиционной гибели князя. Действительно, Пушкин не отметил в своей героине желания мстить. В индийской драме тоже нигде не говорится о «демонической мести». Счастливым эпилогом завершается «Шакунтала». Вполне допустимо, что чтение этого шедевра индийского театра подержало намерение русского поэта дать иной, более гуманный финал народной драме.

Подробный анализ художественного своеобразия «Русалки» не входит в нашу задачу. Приведенные же факты должны дать представление о характере чтения Пушкиным «Шакунталы». Несомненно, выдающееся произведение индийского гения вызвало у поэта, как у его старших русских и европейских современников, чувство восхищения. Он попытался по-своему, на ином историческом материале рассмотреть увлекшую его проблематику. И, как всегда у Пушкина, подобная попытка обернулась большим и самостоятельным художественным произведением, в котором присутствует неповторимо богатое толкование одного из мировых образов.